

—

III.

В своей комнате Се Чаньюэ сидел на краю старой, жесткой кровати, обхватив колени руками.

Его глаза, подобные весенней воде, слегка подрагивали. Он до сих пор пребывал в каком-то туманном оцепенении от того, как внезапно у него сменились родители. И хотя он сам решил прийти сюда, кто мог предугадать, что помолвка будет заключена так скоро?

«Присвоил чужое имя?» — думал он.

Разве тогда, в лесу, не его заставили пойти на смерть вместо другого? Ему просто повезло остаться в живых.

Однако в семье Се оставаться было решительно невозможно.

У Се Эра были к нему какие-то родственные чувства, но Лю Чжи и двое её детей были ему куда дороже. Сама Лю Чжи после того случая на обрыве, когда она выбрала Шэнь Чанхуаня и бросила его, испытывала такую вину, что просто не могла смотреть ему в глаза и старалась делать вид, что его не существует. Что же касается братьев, Се Цю и Се Дуна, то те и вовсе не скрывали своей вражды.

Се Чаньюэ тонкими белыми пальцами тербил нитку на рукаве и невольно размышлял: о чем думала его мать, когда отправляла его на смерть ради Чанхуаня? Если он ей так не дорог, зачем она дала ему жизнь? Ведь он не просился именно в её чрево.

Внезапно он вспомнил молодого мужчину, которого встретил вчера за оградой дома семьи Гу. Был ли это Гу Чжэнь? Его будущий муж? Говорят, что для женщины или гера замужество — это второе рождение. Будет ли оно в этот раз более удачным?

В памяти Се Чаньюэ невольно всплыли эти глаза, острые, как у сокола, и ледяная, подавляющая аура, исходившая от незнакомца. Он невольно вздрогнул. Страшно. Этот человек пугал куда больше, чем все молодые господа, которых он видел в столице; даже его «отец» и «дяди» из графского дома не вызывали такого трепета.

В этот момент во дворике Се поднялся шум. Среди голосов один показался ему знакомым — это была вчерашняя сваха.

Чаньюэ вспомнил слова Се Цю о том, что Гу Чжэнь с детства дружил с Шэнь Чанхуанем и вряд ли захочет брать его в мужья. Вчера у забора он и сам слышал, что семья Гу подумывает о расторжении помолвки. Неужели пришли отказывать? Значит, даже шанса попасть в дом того пугающего человека больше нет?

Се Чаньюэ протянул руку и слегка пригладил свои черные, как смоль, волосы, спадающие на грудь.

«Ах, как жаль...»

Тук-тук...

Спустя некоторое время в дверь постучали.

— Чаньюэ, мне нужно кое-что с тобой обсудить, — раздался снаружи голос Лю Чжи.

Се Чаньюэ спустился с кровати, обулся и пошел открывать. За дверью стояла не только Лю Чжи, но и сияющая улыбкой сваха. Позади них маячил Се Цю, на лице которого застыла смесь злорадства и досады.

Чаньюэ ничего не сказал и жестом пригласил их войти. Выслушав объяснения, он слегка прищурил свои красивые фениксовые глаза:

— Семья Гу хочет сменить жениха?

Сваха, мастер говорить медовые речи, тут же принялась объяснять:

— Ну, раз в вашей семье гер сменился, то и семье Гу сменить человека незазорно. К тому же Гу Ян хоть и уступает немного Гу Чжэню, но в нашей деревне Хуанъян он — юноша из первых рядов! Тоже в академии учится, говорят, весной на экзамены пойдет. Глядишь, и станешь ты супругом уважаемого туншэна...

— Вот как... — безучастно отозвался Се Чаньюэ.

Завидных женихов он в столице навиделся предостаточно. Просто он не ожидал, что «второе рождение» всё же состоится, но пугающий мужчина, кажется, никуда не делся — его просто зовут иначе.

Сваха продолжала:

— И еще, родители Гу Яна — люди с самым золотым характером в деревне. Выйдешь за него — сразу в доме хозяином станешь.

Лю Чжи, видя бесстрастие Чаньюэ, занервничала. Вспомнив наказ Шэнь Чанхуаня, она поспешила добавить:

— Да, Гу Лаоэр с супругом — добрейшей души люди. А Гу Яна ты и сам видел — статный, крепкий, настоящий мужчина. Ты же вчера встретил его у их дома?..

Се Чаньюэ прищурился.

О. Значит, пугающий мужчина — это не Гу Чжэнь. Это Гу Ян...

В этот момент сваха вдруг хихикнула:

— Вот я и говорю — видел! Не зря парень Ян так тобой очарован. Перед моим уходом он специально передал мне одну вещицу. Сказал, если ты согласишься — отдать тебе.

Се Чаньюэ протянул чистую белую ладонь и коротко бросил:

— Давайте.

Сваха на мгновение опешила, а затем расхохоталась, прикрыв рот рукой:

— Хорошо! Сразу видно — гер из графского поместья! Характер решительный, в сто раз лучше наших деревенских.

Лю Чжи облегченно выдохнула. Сваха, увидев, что рука юноши всё еще ждет, торопливо

выудила из-за пазухи предмет, завернутый в тонкую ткань. Затем она весело поднялась:

— Ах, молодежь нынче затейливая! Пойду обрадую семью Гу, они там все на иголках сидят. Ждите дня свадьбы, приду к вам вина выпить!

Лю Чжи проводила сваху и прикрыла за ней дверь. Се Чаньюэ сел на кровать и развернул сверток. Его глазам предстал сплетенный из лозы маленький лев.

Когда-то в столице он был знаком с юным наследником уезда Циньшуй и вместе с ним посещал зверинец в императорском парке, где видел живых львов и тигров. У этого льва мордочка была куда милее, чем у тех зверей. Но... поза была странной: две передние лапы подняты, задние расставлены так, будто он вот-вот потеряет равновесие и упадет.

Чаньюэ молча смотрел на камни, выплетенные под лапами льва, пока до него наконец не дошло. Это же была сцена его вчерашнего «полета» со стены, когда Гу Ян напугал его до смерти.

— ... — Се Чаньюэ.

Его будущий муж прислал подарок специально, чтобы посмеяться над ним?

У этого человека не только внешность пугающая, но и помыслы весьма коварны...

Двадцать шестое число пятого месяца было выбрано как ближайший благоприятный день. Еще до рассвета в деревне Хуанъян началось оживление. Внук старосты берет супруга, семья Се выдает гера — обе семьи были в деревне уважаемыми, поэтому почти в каждом доме готовились к поздравлениям.

В доме семьи Гу работа кипела с раннего утра. Хотя Гу Сыюань должен был привезти нового супруга только к вечеру, накрыть столы на десять с лишним перемен блюд для всей округи было задачей не из легких. Старая госпожа Гу вместе с невестками еще затемно начали ритмично «тук-тук» шинковать овощи и рубить мясо на кухне.

Гу Сыюань тоже встал ни свет ни заря. Он не выходил из комнаты, а стоял у стола, практикуясь в каллиграфии, чтобы успокоить ум. Пожалуй, это был его первый раз, когда он вступал в брак по всем канонам и с таким размахом. Он лишь желал, чтобы в будущем не подвести ни других, ни себя.

Время ожидания было одновременно тягучим и стремительным. К полудню во дворе зазвучали флейты и барабаны. Обычно в деревнях за невестой или гером посылали воловью повозку, наряжали молодых в красное да взрывали связку петард — и это уже считалось богатой свадьбой. Но Гу Сыюань не мог так поступить с Се Чаньюэ. Поэтому он настоял на том, чтобы нанять небольшой паланкин и оркестр из нескольких человек.

Из-за «смены жениха» семья Гу чувствовала некоторую вину. К тому же затея Гу Сыюаня с плетеными игрушками позволила Гу Лаоэру и Му Ся заработать на празднике Дуанью немало серебра, половину из которого они сдали в общий котел семьи. Поэтому, поразмыслив, дед и бабка Гу согласились на расходы.

Грянули барабаны, затрещали петарды. Оркестр, слуги с дарами, красный паланкин и сам Гу Сыюань верхом на ослике в сопровождении родни — шумная процессия двинулась к дому семьи Се. Дом семьи Гу был у начала деревни, дом Се — в самом конце, так что путь их пролегал через всё селение.

Жители высыпали к воротам поглазеть на зрелище.

— Повезло же этому геру из семьи Се. Прожил десять лет в роскоши в графском доме, а вернулся в деревню — и тут такой почет.

— Если бы у моей дочки на свадьбе хоть половина такого была, я бы на зятя молилась.

— Эх, о половине и мечтать не смей. Судьба — штука непредсказуемая.

— Да что вы заладили — «почет, почет»! Гер-то, поди, и не оценит. Я как-то в столицу к родне ездил, на свадьбу попал. Вот там был почет! Первые повозки с приданым уже в дом мужа вошли, а последние еще из ворот невесты не выехали...

— Да ну? Неужто правда?

— Стал бы я врать! Но вы посмотрите на парня Яна... Никогда не замечала, что он такой видный! Ничем не хуже Гу Чжэня.

Обычно Гу Ян всегда ходил молчаливый, опустив голову и избегая людей. Деревенские привыкли хвалить только старшего внука старосты, а о младшем и вспомнить было нечего. Но сейчас, в ярко-красном свадебном одеянии, с высоко поднятой головой, холодным и глубоким взглядом, он сидел на осле с таким достоинством и статью, что многие девушки и молодые жены невольно покраснели. В их мыслях промелькнуло: и как они раньше не замечали, что Гу Ян — такой красавец?

Гу Сьюань, не глядя по сторонам, въехал в ворота дома Се вслед за свахой. Двор семьи Се не был кирпичным, но был чисто прибран и производил приятное впечатление. Здесь уже были накрыты столы. Свадебная церемония называлась «Хуньли», что означало «обряд сумерек», ведь главное торжество должно было свершиться на закате.

Распорядок дня был традиционным: жених прибывает к невесте или геру утром, знакомится с родней, ест и пьет вместе с ними. Во второй половине дня мать новобрачного должна начать обряд «плача по уходящему», после чего жених на спине относит суженого к повозке или паланкину, чтобы до наступления сумерек успеть в свой дом для совершения главных поклонов.

Поскольку семьи Гу и Се жили в одной деревне, спешить было некуда, и всё проходило в весьма расслабленной атмосфере.

Во время полуденного пира многие родственники со стороны семьи Се пытались спить Гу Сьюаня. Обычно в таких случаях на помощь приходят братья, принимая удар на себя. Однако со стороны семьи Гу его старший двоюродный брат Гу Чжэнь был человеком со званием, и простые люди не смели навязываться ему с выпивкой (к тому же он по неизвестной причине вскоре покинул пиршество). А двоюродному брату из семьи третьего дяди было всего тринадцать лет, и взрослым было неловко заставлять ребенка пить.

Впрочем, Гу Сьюань решил проблему сам. Он был немногословен, но решителен: не отказывал никому и пил до дна, чем быстро завоевал всеобщее расположение. Особенно довольны были люди из семьи Се — они видели в этом дань уважения к их семье.

Многие сельчане, у которых были дочери или геры на выданье, втайне сокрушались. Раньше все считали завидным женихом только Гу Чжэня, но теперь обнаружили, что Гу Ян — мужчина высшего разряда. Если он в будущем тоже сдаст экзамены и получит звание, то ничуть не

уступит брату. К тому же с Гу Лаоэром и его супругом ладить куда проще, чем с Ли Сянтао из старшей ветви. В итоге все решили, что этому «пришломu» геру несказанно повезло.

А сам «пришлый» гер, Се Чаньюэ, в это время сидел перед медным зеркалом, позволяя окружающим рассматривать себя. Он заранее облачился в свадебный наряд и, не дожидаясь помощи, сам собрал свои черные, как грозовое облако, волосы красной лентой. Волосок к волоску — его чистое и изысканное лицо было полностью открыто. Он не румянился и не смазывал волосы маслом, лишь слегка подвел тонкие брови и коснулся губ помадой для свежести, став прекрасным, будто цветы персика, омытые водой.

Сваха и родственницы, пришедшие составить компанию, не могли отвести глаз. С такой редкой красотой и врожденным достоинством неудивительно, что тот холодный юноша, стоило ему лишь раз увидеть Чаньюэ, поспешил забрать его в свой дом.

Шум долгого дня начал стихать. Солнце медленно клонилось к вершинам гор, близились сумерки — наступил счастливый час для выхода из дома. Под звуки флейт и зычный возглас свахи дверь в комнату Се Чаньюэ распахнулась.

Геры, в отличие от девушек, не покрывали голову вуалью. В конце пятого месяца стояла жара. Хотя Се Чаньюэ от природы был склонен к прохладе и почти не потел, его щеки от горячего воздуха и волнения залил розовый румянец, делая его красоту почти неземной. Все, кто увидел его в этот момент во дворе, невольно ахнули от восхищения.

Однако Гу Сьюань увидел его первым. Он шагнул вперед, и его высокая статная фигура мгновенно заслонила супруга от чужих любопытных взглядов. Он слегка наклонился, и Се Чаньюэ тут же прильнул к его спине. Ощувив под собой твердое, теплое тело, гер внезапно почувствовал странную слабость в руках и ногах.

В этот миг до его обоняния донесся тонкий аромат — чистый, как ледяной снег или свежий чай. Это мгновенно прояснило мысли Чаньюэ. Ему показалось, что он уже где-то слышал этот запах, но, как ни старался вспомнить, он никогда раньше не встречал подобных благовоний.

Гу Сьюань шел твердым шагом и бережно усадил Се Чаньюэ в паланкин. Под торжественную музыку процессия быстро преодолела путь от дома Се в конце деревни до дома семьи Гу в её начале.

Гу Сьюань снова посадил супруга на спину и внес его в главный зал. Семья Гу уже подготовилась: на почетных местах сидели Гу Лаоэр и Му Ся, а перед ними на полу лежали два молитвенных коврика.

— Первый поклон Небу и Земле!

— Второй поклон родителям!

— Поклон друг другу!

— Проводить молодых в опочивальню!

Гу Сьюань взял Се Чаньюэ за руку и повел в свою комнату. По случаю свадьбы в помещении прибавилось вещей: появились новый шкаф и свежесшитые одеяла. Се Чаньюэ разглядывал незнакомую обстановку с любопытством и некоторой растерянностью, но в нем не было и тени застенчивости, обычной для новобрачного гера.

Отныне это было место, где ему предстояло жить.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281583>